

*Посвящается Шарлотте,
которая любит пугать меня
своими собственными историями*

*«От любви, воров и страха
появляются привидения» —
немецкая пословица*

ГЛАВА 1

СЕЙЧАС

Призрачное эхо женских голосов — сопрано, альт и контральто — звучало гармонично, естественно сочеталось в песне. Безупречный ясный звук лился из открытых окон, через покрытые шифером крыши, вдоль старых стен из красного кирпича, за прошедшие столетия гладко отполированных дождем и ветром; он летел над ровно подстриженными лужайками и спортивными площадками все дальше, туда, к широкой, усаженной деревьями аллее, где стояла Тея. По ее коже побежали мурашки: с порывом ветра, обогнувшим здание, мелодия зазвучала громче и будто совсем близко. Слева, в квадратных стеклах окон, виднелись расплывчатые тени. В сгущающихся сумерках явление казалось неземным, потусторонним. Ангельский хор. Слова «... пусть принесет вам покой» кружились в воздухе, летели дальше.

Тея остановилась и поправила очки на переносице, разглядывая здание перед собой: английская частная школа выглядела именно так, как она всегда себе и представляла. Все вокруг дышало историей: стены из камня светло-медового оттенка, увитые плющом и глицинией, безукоризненные газоны (за которыми, без сомнения, ухаживал целый отряд садовников), окаймленные аккуратными рядами лиловых анютиных глазок и белого

алиссума, высокие ворота, арочный портик и дубовая дверь, тяжелая и обитая железом. От этого места веяло традициями, привилегиями и деньгами. Среди таких внушительных зданий Тея казалась самой себе просто взъерошенной самозванкой, и ощущение было резким, точно пощечина.

Пение стихло, и она двинулась вперед, волоча чемодан и ругаясь себе под нос, когда тот цеплялся колесиками за гравиевую дорожку.

Полчаса назад автобус высадил ее на главной улице города, широкой, с плавными поворотами, но Тея и так знала, куда идти, уже побывав в колледже на итоговом собеседовании три месяца назад. Она была почти на месте, но из-за мелких камушков последние шаги долгого путешествия давались сложнее, чем ожидалось. Большинство посетителей, скорее всего, не приходили, как она, пешком, а приезжали на машинах, и тогда гравий приятно шелестел под дорогими шинами.

С последним рывком втянув за собой чемодан, она вошла под каменные своды и, обнаружив ручку, ухватилась за нее. Под нажимом плеча дверь поддалась, и Тею окутал аромат пчелиного воска, лилий, старых книг и слабый запах потных кроссовок, которые ее отец назвал бы «парусиновыми туфлями».

Она сделала пару шагов внутрь, и дверь за ней закрылась с гулким стуком, раскатисто разнесшимся по громадному холлу. Тея оказалась в прихожей с высокими потолками. По одну сторону стоял отполированный до идеального блеска прямоугольный стол, на котором висела хрустальная ваза с теми самыми лилиями. Невероятно изящные лепестки цветов загибались наружу — кремовые, без единого пятнышка, с ярко-оранжевой пылью

на каждой тычинке. Еще несколько дней — и они бы уже поникли, готовясь к скорому увяданию, но сейчас перед ней было само совершенство.

Дальше тянулся холл, заканчивающийся широкой извилистой лестницей с затейливой балюстрадой, которая вела вверх, в темноту.

— Вы опоздали, — раздался из тени глубокий, тягучий голос. Тея попыталась разглядеть, откуда он доносился, но уже через мгновение перед ней стоял высокий худощавый мужчина с залезшими назад волосами и изборожденным морщинами лицом, напоминавшим высохшее русло реки. Старомодный сюртук болтался на нем, точно сшитый для владельца покрупнее, но галстук на чистом белом воротничке был завязан безупречно. Брови насуслены, плечи сторблены, точно от воображаемого холода. В глаза он ей не смотрел.

— Прощу прощения... автобус не сразу отправился. — Проверив часы, она добавила: — Но всего на пятнадцать минут позже.

— Конечно, вы же из... колоний, — неприязненно выделив последнее слово, произнес он так, будто это все объясняло. — Мы ожидали вас вчера, мисс Раст.

— А разве семестр начинается не завтра? — вспыхнув от негодования, уточнила Тея.

— Завтра, но тем не менее мы ожидали вас вчера, — медленно, словно она была не только иностранкой, но еще и слабоумной, повторил незнакомец.

Она вновь принялась извиняться, но мужчина уже исчез во мраке. Не успела Тея его окликнуть, как он вернулся с ключами на большом железном кольце.

— Ключа три. Один от входной двери, второй от боковой, и третий... что ж, думаю, сами разберетесь. Если, ко-

нечно, сообразите. — Одной рукой он протянул ей ключи, а другой потер подбородок. На лацканы пиджака посыпались белые частички кожи, и Тею внутренне передернуло.

— Ученицы будут жить ближе к главной улице, в доме номер пятьдесят восемь. — Голос у него дрогнул, точно само слово «ученицы» причиняло ему физическую боль. — Меня доподлинно проинформировали, что вы разместитесь там же — по крайней мере, на первый семестр.

Юноши, точнее, как хвастался веб-сайт школы, наследники знатных семей, обучались в Оксли-колледже с середины девятнадцатого века. Исходя из истории, его основали в последней отчаянной попытке спасти город. Некогда все путешественники по дороге в Бат останавливались в Оксли, но добираться из столицы до курорта оказалось быстрее и практичнее на поезде, и городок опустел. Бывший постоялый двор превратился в главное здание колледжа, все остальные корпуса построили вокруг него, и так все осталось и поныне. Школа процветала, дав вторую жизнь и городу тоже.

Однако только в этом году колледж соизволил принять на обучение девушек. Продержавшись дольше, чем другие такие же школы, которые ввели совместное обучение еще десятки лет назад, Оксли все же пришлось идти в ногу со временем, чтобы не потерять учеников — во всяком случае, так предполагала Тея. Было очевидно, что этого мужчину, кем бы он ни был, такое решение вовсе не радовало.

Забрав ключи левой рукой, правую она протянула для рукопожатия:

— Тея. Новая учительница истории.

— Об этом я прекрасно осведомлен, мисс Раст, — не обращая внимания на протянутую руку, ледяным тоном отрезал он. — Баттл. Для вас мистер Баттл. Привратник.

— Да, разумеется, — произнесла Тея, опуская руку, когда мужчина отвернулся, показывая, что разговор закончен.

— В таком случае я пойду обратно к главной улице? — непринужденно, хоть и не без усилий, уточнила она.

— Зеленая дверь. Через одну от «Джорджа и Дракона». Не заблудитесь, — проворчал он через плечо, вновь исчезая в сумраке коридора.

В свой предыдущий визит Тея не успела почти ничего рассмотреть, поэтому сейчас уходить не спешила, наоборот сделав шаг вперед и с любопытством разглядывая обстановку. Глаза уже привыкли к тусклому освещению, и теперь на обшитых деревянными панелями стенах она различала большие, написанные маслом портреты — ученых, судя по виду. Один, темноволосый, с тонзурой, в очках в тонкой оправе и с пером в руках сидел за столом. Другой был в мантии с алым капюшоном и в квадратной академической шапочке. На третьем портрете, выглядевшем уже более современно, довольно молодой мужчина с песочного цвета волосами сидел на скамейке с лабрадором у ног, на фоне садов и зданий колледжа за ним. Она подошла ближе, чтобы прочитать подписи. Над каждым именем значилось также: «Глава колледжа» и даты службы. У последнего портрета нынешнего директора, доктора Александра Фокса, под именем стояло только начало службы: 2011 год, без второй даты.

Тея познакомилась с ним на собеседовании; ей понравилось его открытое лицо и непринужденное обращение без строгого этикета.

Оксли-колледж был оплотом влиятельных кругов Британии в сердце английской глубинки, но Тея с тем же успехом могла отправить резюме в школу на Марсе, потому что опы-

та работы в таком месте у нее не было. Она удивилась, что вообще прошла первый этап собеседования. Была, конечно, еще одна причина, по которой она в первую очередь зашла на веб-сайт именно этой школы и, увидев размещенную вакансию, импульсивно направила свое резюме. Но не стоило об этом задумываться именно сейчас.

Уже повернувшись к выходу, она покрутила в руке металлическое кольцо, рассматривая гладкий, истертый от многолетнего использования металл. Все три ключа были большими, у одного головка в форме пятиугольника, внутри звезда в кольце, вершины упираются в круг — знакомый узор. У второго — переплетенные круги, точно маленький лабиринт, со звездой в центре, а на третьем — колчан со стрелами, по шейке плетение, точно крученая нить. Тея провела большим пальцем по пентаграмме, задумавшись, когда же их впервые отлили и почему с таким орнаментом.

Убрав связку в карман куртки, она закинула сумку на плечо, ухватила чемодан и потянула на себя дверь. Кроны деревьев беспокойно шелестели, и желудок отозвался ответным урчанием. Вместо обеда она перекусила в поезде, всего пара сэндвичей с водянистым кофе, и то уже давно. Где-то в сумке валялась шоколадка, но можно было и еще немного потерпеть. Нужно вернуться в город и найти, где им с девочками предстоит жить.

Вмонтированные в землю вдоль аллеи прожекторы освещали путь до ворот, и от деревьев по газону длинными пальцами тянулись тени. Вдалеке почти неслышно шумели машины. Но что-то изменилось. Сперва Тея не могла определить, что именно, и вдруг ее поразила тишина: музыка смолкла. Ей вспомнились слова мистера Баттла. Если студенты еще не приехали, то кто же пел?

ГЛАВА 2

СЕНТЯБРЬ, 1768 ГОД, ОКСЛИ

Сперва Роуэн заметила жилет господина, вытканый узором, который она прежде не видала: оранжевые лепестки сияли в тускнеющем свете послеполуденного солнца, листочки плелись зеленой лозой. Затем она обратила внимание на бриджи, белоснежные, точно брюшко сороки, такие же белые чулки и начищенные кожаные туфли с блестящими серебряными пряжками. По всей видимости, это был очень состоятельный джентльмен.

Неторопливо, с важным видом он подошел, остановившись неподалеку, убирая что-то в карман. Роуэн разгладила юбки и заставила себя улыбнуться, усмирив порыв сбежать и спрятаться. Как бы ей хотелось, чтобы ботинки у нее были чистыми, а не заляпанными грязью, а красный плащ с капюшоном, когда-то принадлежащий матери, не таким изношенным и в заплатках. Уставившись себе под ноги, Роуэн поспешно спрягала руки за спину: по дороге она собирала травы, и зеленый сок впитался в кожу.

— Ты, девочка. Ты сильная? Здоровая? — осведомился мужчина, вынужденно опустив взгляд: она была тоненькой и невысокой, на фут или больше ниже его.

— Да, сэр, — нашла в себе силы ответить Роуэн. — Два года служила горничной и прачкой у семейства из девяти человек. — Она не стала упоминать, что дом тот принадлежал ее дяде и тете и за работу ей не платили. Ей хотелось показать, что дело она свое знает лучше, чем можно судить по внешнему виду. — Ни дня не пропустила.

— Я искал камердинера, — вздохнул он, поглядывая на другую сторону лужайки, где группками стояли жен-

пины со швабрами и метлами и мужчины с косами, мотыгами или лопатами. Роуэн разглядела и обрывки ярко-голубых ленточек на груди у большинства из них, знаки, что их уже приняли на службу. — Но, похоже, в такой поздний час это бессмысленно.

На Михаэльмас в городе проводилась ежегодная ярмарка¹, куда стекались люди со всех окрестностей в надежде получить работу на год, и Роуэн сама два дня шла пешком из своей деревушки, спала в ложине у дороги и с рассветом вновь пускалась в путь. Солнце давно уже клонилось к закату, она простояла на лугу с раннего утра, но все, кому нужны были горничные, прачки и кухарки, спешили прочь, стоило им увидеть ее лицо и обезображенный шрамом левый глаз, из-за которого веко у внешнего уголка сползло вниз. Ей хотелось бы знать, почему и этот господин не поступил так же, но она благодарила звезды, что этого не произошло: болезненная пустота в желудке напомнила о том, в каком незавидном положении она очутилась. Если Роуэн не примут на службу, сил на долгую обратную дорогу до дома тетюшки уже не останется, да и рад ей никто не будет — ее и отправили сюда зарабатывать на содержание младших братьев.

С места, где она стояла, открывался вид на распростертый внизу город Оксли. Столько домов сразу всех видов и размеров плотно прижимались друг к другу, точно кусочки мозаики: из кирпича, с прочной черепичной крышей — не то что домики из прутьев и глины и с соломой вместо крыши у нее в деревне. Главная улица казалась

¹ M o r F a i r (англ.) — ярмарка вакансий, дословно «Ярмарка швабр», где можно было нанять прислугу на определенный срок: эту традицию ввел Эдуард III в середине XIV века. — *Здесь и далее — прим. переводчика.*

шире иной реки, которую только можно было вообразить, она мягко петляла вниз по холму, точно колечки яблочной кожуры. Размер города внушал ей благоговейный страх точно так же, как и знатный джентльмен перед ней.

— Полагаю, горничная мне подойдет. — Его слова вернули ее в настоящее время, позволив огоньку надежды вспыхнуть сильнее. Он помедлил, раздумывая, а Роуэн изо всех сил старалась выдержать его взгляд с твердостью, которую не ощущала, так как сердце ее колотилось быстрее, чем если бы она пробежала целую милю. Никак не показав, что заметил ее увечье — паутиной разбежавшись от уголка глаза шрамы, — он произнес:

— Если моя супруга даст согласие. Идем. — Повинуясь знаку, Роуэн подобрала узелок с чистой одеждой и несколькими дорогими ее сердцу сокровищами — все свое скромное имущество и поспешила за джентльменом по направлению к главной улице. Прямо на ней расположился рынок, и Роуэн влилась в людской поток, торопливо отступая и уворачиваясь, пока покупатели придирчиво осматривали жирный костный мозг, вилки капусты размером с голову, корзины яиц, тяжелые мешки с зерном и солодом, башни яблок и цыплят со свернутыми шеями, еще не ощипанных и не разделанных.

Не упуская мужчину из виду, она аккуратно огибала прилавки, нагруженные кусками масла, творогом, всеми видами сыров, трепыхающейся форелью с прозрачными глазами и серебристо-коричневой крапчатой кожей, пучками кресс-салата, душистыми травами и цветами, глиняными кувшинами с медом, свернутыми лентами. Неподалеку она заметила скрипача, а вокруг него робкие пары влюбленных. Музыкант управлялся с инструментом столь искусно, что только смычок и мелькал, и собравшая тол-